

таться предметом исторической грамматики.

Высказанные соображения предвременно излагались здесь лишь в предварительном и дискуссионном порядке, исходя из общей недостаточной разработанности теории словорасположения и почти полного отсутствия исторических исследований. Исследователи современного словорасположения до сих пор не

могли судить о его истоках. Книга И. И. Ковтуновой существенно продвигает нас в первом направлении и восполняет пробелы второго. В этом ее неоспоримое значение. Написана она просто и доходчиво; к сожалению, полиграфические ее качества оставляют желать лучшего.

О. А. Липнева

Т. А. Бертагаев. Морфологическая структура слов в монгольских языках. М., изд-во «Наука», 1969, 184 стр.

Монография Т. А. Бертагаева, содержащая убедительное описание особенностей морфологической структуры слова в языках и диалектах монгольской группы, трактует вопросы фузии, символизации, аналитизма, внутренней флексии, вариантности основы, многозначности аффиксов в названных языках. В применении к монгольским языкам все это звучит почти парадоксально. Тем не менее, на основе характеристики строения, значения и функций общемонгольских словообразовательных и грамматических аффиксов, в работе совершенно по-новому ставятся проблемы типологии агглютинативных и флексивных языков, морфологической природы языков алтайской группы. Автор отходит от общепринятого мнения о том, что алтайские языки, в частности монгольские, относятся к чисто агглютинативным языкам, и доказывает, что агглютинация, аналитизм и флексивность переплетаются. Он утверждает, что монгольские языки столь же фузионны, сколь и агглютинативны, и что строй этих языков не определяется агглютинативностью или фузионностью, сингармонизмом или флексивностью, что аналитизм предполагает агглютинацию, агглютинация — фузию, фузия — чередование.

В качестве основного материала Т. А. Бертагаев пользуется данными разговорного языка и диалектов, в то время как прежде исследование монгольских языков проводилось главным образом на материале письменных литературных языков и предпочтение отдавалось традиционному этимологическому принципу фиксации морфемного состава слова.

В гл. 1 «Основа и морфемы слова» (стр. 10—51) даны собственные определения всем компонентам слова и показаны те особенности, которые они имеют в монгольских языках. Очень четко разграничены понятия основы и корня: основа — единица синхронного среза, корень — диахронного, так как он этимологичен,

имеет тенденцию к инвариантности, тогда как основа обладает тенденцией к вариантности. Вряд ли следовало бы подразделять основы на ирреляционные и реляционные — достаточно того, что на такие группы делаются аффиксы, которые, присоединяясь к основам, придают ирреляционный или реляционный характер словам или словосочетаниям (см. стр. 19 и далее).

Здесь же проиллюстрировано большое разнообразие вариантов основ склонения. Эта особенность монгольских языков разбивает давно установившееся мнение о том, что корень в агглютинативных языках является самостоятельным словом. В главе дан также оригинальный обзор разнообразных аффиксов в монгольских языках — суффиксов, префиксоидов, инфиксов, комбинированных и нулевых форм аффиксов.

В последующих двух главах — «Фузия» (стр. 52—74) и «Символизация» (стр. 75—77) — автор на многочисленных примерах демонстрирует наличие всевозможных видов фузии, т. е. сплава функционально и структурно разных элементов слова (или слов). Он находит в монгольских языках фузию аффикса с аффиксом или с частией, служебного слова со служебным словом, основы с аффиксом, знаменательного слова со служебным словом, знаменательного слова со знаменательным же словом. Показано также, как полная фузия нередко переходит в «символизацию» (термин Т. А. Бертагаева); в ряде случаев сращение на морфологическом и на лексическом уровне достигает такой степени, что на месте спайки компонентов в результате фонетических изменений появляются качественно иные, чем первичные, звуки.

В гл. 4 «Сингармонизм, ударение и изменение звукового состава слова» (стр. 78—86) автор попытался доказать, что нет основания преувеличивать роль сингармонизма в алтайских языках как прощадического средства и считать его «фун-

даментальным структурно-типологическим явлением» для этих языков¹. «Если бы сингармонизм играл подобную роль в этих языках, то нарушение и исчезновение сингармонизма, наблюдаемое во многих алтайских языках, качественно изменило бы типологию последних, но этого, однако, не произошло» (стр. 86).

В гл. 5 (стр. 87—99) исследуется внутренняя флексия и разнообразные чередования фонем, которые, как и во флективных языках, приводят к существенным изменениям основ — в связи с этим до сих пор происходит активный процесс фонематизации некоторых звуков, появление множества вариантов слов (их, видимо, в монгольских языках теперь несравненно больше, чем в каких-либо других). В книге имеется большое приложение, по существу являющееся первым словарем лексических вариантов бурятского и отчасти монгольского языка (стр. 131—180). Здесь представлено около тысячи групп слов-вариантов, разбитых по следующему разделам: варианты комбинаторного чередования (регрессивная и прогрессивная ассимиляция) и варианты спонтанного чередования (чередование согласных и гласных, инициальное выпадение, срединное и конечное выпадение, метатеза звуков).

В гл. 6 (стр. 100—105) и 7 (стр. 106—115) сформулированы и подтверждены примерами морфологические и синтаксические способы и критерии определения границ слова в монгольских языках, исследованы синтаксические способы выражения морфологических категорий, особенности структуры слова в этих языках, порядок слов и редупликация, затем более подробно — аналитические конструкции, которые, по мнению автора, подразделяются на глагольные (морфологические) и именные (неморфологические). В гл. 8 (стр. 116—123) дается четкая классификация частей речи в монгольских языках как определенного дитомимического ряда слов, явно противопоставленных друг другу (см. схему на стр. 122). Концепция автора представляется последовательной и убедительной.

Последняя, девятая глава (стр. 124—130) посвящена структурному типу языка, где подводятся итоги и приводятся возражения распространяемому мнению о том, что флективность, агглютинативность и аморфность в основных доминирующих своих чертах как бы навечно припаяны к определенным группам языков, и априорным рассуждениям о глубоко укоренившейся устойчивой агглютинативности в алтайских языках. Весь материал, представленный в книге Т. А. Бертагаева,

свидетельствует о том, что агглютинативность письменных монгольских языков, которую принято считать классической, претерпела и претерпевает весьма ощутимые изменения в говорах, диалектах и разговорной речи монгольских народностей. «Поэтому говорить о какой-то особой устойчивости агглютинативной структуры не приходится» (стр. 125). «Наоборот, факты показывают, что агглютинативность в такой же степени изменчива и переходчива, как и явления флексии и аналитизма» (стр. 128). Свообразие же, «имеющее значительный удельный вес в формировании морфоструктуры алтайских языков, заключено в неперменной технизации постпозитивного компонента в сочетании слов... Благодаря этому в агглютинативных языках в структуре слова находим только постфиксы (суффиксы), возникшие на основе формализованных постпозитивных компонентов сочетания, а не префиксы. Это не мешает формализованным элементам в монгольских языках внедриться в основу слова и слиться с ним, так же как во флективных языках препозитивная технизация не препятствует префиксам быть агглютинативными аффиксами» (стр. 126—127). Автор всей своей книгой спорит с Б. А. Серебрянниковым, по мнению которого «нельзя обнаружить в агглютинативных языках ни одного случая фузии в местах соединения послеслогов с корнем слова»².

По мнению Т. А. Бертагаева, ни агглютинативность, ни фузия и ни флексия не связаны с внутренними, самыми существенными сторонами субстанции языка: это скорее поверхностные явления, внешняя техническая сторона структуры языка. Ее необходимо учитывать, но сводить структурный тип языка к ней основной нет — в языке есть более устойчивые, «сущностные» категории. К ним автор относит те особенности, которые обнаруживаются при сопоставлении отдельных моделей предложений и грамматических сочетаний разноразличных языков.

Помимо грамматической типологии, полагает Т. А. Бертагаев, нужно иметь в виду еще и лексико-семантическую. Это в принципе совершенно справедливо. «...Классическое разделение языков на флективные, агглютинативные и аморфные обосновывалось исключительно сходством и различием субстанционального строения слова... Классическая типоло-

² Б. А. Серебрянников. Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка, сб. «Морфологическая типология и проблема классификации языков», М.—Л., 1965, стр. 18.

¹ А. А. Реформатский, Иерархия фонологических единиц и явления сингармонизма, сб. «Исследования по фонологии», М., 1966, стр. 198.

гия фактически не имела дела с семантикой»³.

Однако лексико-семантический принцип типологии в книге иллюстрируется неудачными примерами: «... нет существительных „брат“ и „сестра“ в языках типа монгольского» (стр. 130); в этих языках «сон» воспринимается как явление фактивное, не зависящее от человека. «Установившая такого рода лексико-семантическая модели расхождения и схождения», — говорит автор, — можно составить типологию в области лексики и семантики языков» (стр. 130). Вряд ли это осудительно, так как сопоставление примеров, подобных приведенным, уведет исследователя за пределы собственно лингвистики, т. е. в область экстралингвистики, к социально-этническим реалиям. Характеризуя фузионные сращения, затемняющие внутреннюю форму слова, следовательно, этимологию его, автор пишет, что «с трудом удалось восстановить» первоначальные основы эхиритского названия радуги *унээншиээг*: «Оказывается оно восходит к словосочетанию *улээн тээж* „земное коромысло или коромысло земли-ширл“» (стр. 74). Если б автор учел данные, например, боханского говора, то он вряд ли остановился на этой довольно-таки натянутой этимологии, так как боханцы радугу называют *унээн эвэн шэвэн* «моча лисы-женщины» (*унээн эвэн* — не лиса и не женщина в прямом смысле, а персонаж волшебных сказок). Так что этимология эхиритского *унээншиээг* здесь выясняется очень просто, ибо боханское название радуги еще не претерпело фузии.

Следующее замечание относится к вопросу об основах слов. По мнению автора, «иногда основой бывает усеченная часть слова, не являющаяся никакой морфемой» (стр. 11). В примерах *арг-ые* «способ», *туга-д* «телята», *хэ-д* (мн. число от *хэн* «кто»), ни основа вин. падежа *арг-*, ни основы мн. числа *туга-*, *хэ-* «не представляю собой морфему, и вообще они ничего не значат» (стр. 30). Вряд ли это так: *арг-*, *туга-*, *хэ-* — морфемы особые, корневые, которые не следовало бы ставить в один ряд с аффиксальными морфемами деривационного или реляционного характера. Одни из корневых основ могут иметь самостоятельное лексико-грамматическое значение (*төмөр* «же-

лезо») и выступать в качестве полноценных лексических единиц с непроемной основой наподобие русских слов типа *лес*, *хлеб*. Другие же корневые морфемы лишь в соединении с соответствующими аффиксами конкретизируют общее значение, которое они имплицитно содержат в себе: *туга-л* «теленко», *туга-д* «телята», *хэ-н* «кто» (в выражении *хэн ерээб?* «кто пришел /приехал?»), *хэ-м* «кто» (в выражении *тэндэ хэм?* «кто там?»), *хэ-д* «кто» (во мн. числе). Следовательно, и такие корневые морфемы служат минимальной лексико-морфологической базой слова, его исходной морфемой. Это обычные связанные основы, которые не могут выступать в современном языке в полном виде (ср. русские *зна-*: *зна-ть*, *зна-л*, *знай-и*, *знай-* и т. п.). Многие слова как в алтайских, так и в индоевропейских языках без ущерба для семантики образуются присоединением аффиксов к связанным основам, которые автор считает «обломками слов и даже морфем [ср. *хэн* > *хэ-(д)*], имеющими значение лишь для лингвистического анализа, а не значащими единицами языка» (стр. 12).

Во многих случаях, когда сравниваются словоформы и звуки или когда идет рассуждение об оттенках звуков, читатель с сожалением ощущает отсутствие кинограмм слов. Будь кинограммы, не было бы таких предположительных суждений, как следующие: «Очевидно, полного усечения гласных в этих словах нет... Видимо, гласные не усечены, а сверхредуцированы, они присутствуют скрыто и малоуловимы для слуха. Следовательно, при анализе структуры таких слов мы должны исходить как из слов с конечной гласной» (стр. 71). В наше время в подобных работах, конечно, следует пользоваться точными лабораторными данными.

Работа плохо редактирована и прокорректирована (см., например, стр. 48, стр. 118—119). Все отмеченные недостатки носят частный характер и не умаляют научного значения рецензируемой монографии.

Еще раз хочется обратить внимание на основное резюме автора: «Агглютинация, фузия, флексия и т. п. не чужды ни одному языку и потому мало характерны для выявления типа языка. Особенности их реализации зависят от всего комплекса структуры языков. Деление на агглютинативные, фузионные, флективные и прочие языки внешнее, во многом условное» (стр. 130). Вывод этот, как и вся книга Т. А. Бертаева, толкает к размышлениям и к спорам.

Г. В. Дагуров

³ Ю. В. Рождественский, Типология слова, М., 1969, стр. 8—9. Ср. В. А. Звегинцев, Теоретическая и прикладная лингвистика, М., 1968, стр. 16.